

Мия Петрос

**СЮРПРИЗ ДЛЯ БЫВШЕГО.
ТАЙНАЯ ДОЧЬ**

УДК 82-3
ББК 84
ПЗ0

Петрос М.

ПЗ0 Сюрприз для бывшего. Тайная дочь / Мия Петрос – М.: Литнет, 2026. – 86 с.

ISBN 978-5-521-98964-5

Когда-то Максим клялся мне в любви, но в один день он, обвинив в измене, швырнул в лицо фото и ушел... Я промолчала, не решившись сказать, что ношу под сердцем его дочь. Гордость не позволила унижаться и доказывать, что фото — подделка. Все подстроила его мать, посчитав меня неудачной партией для сына. Да и его появление на мероприятии с новой девушкой я посчитала предательством... Но внезапно меня подкосила болезнь, а дочь осталась на попечении соседки. И теперь я не знаю, что с ней будет... **** — Это ваша дочь. — Девочку подтолкнули вперед. — Доказательство — у нее в руках. Ей либо в детдом, либо к отцу! Женщина торопливо поставила сумку мне под ноги и сбежала. — Девочка, ты кто? — Я присел на корточки и заглянул в такие знакомые глаза. — Анна Максимовна Зайцева! — серьезно посмотрела на меня девочка. — А маму зовут Вероника? — Разглядывая свою маленькую копию, понял, что все, что происходит сейчас, не шутки. — Да!

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-98964-5

© Литнет, 2026
© М. Петрос, 2026

Глава 1

Максим

Меня окликнули на парковке бизнес-центра, и сердце странно дернулось в груди.

Пожилая женщина стояла рядом с девочкой лет пяти, и что-то в ее облике вызывало у меня чувство тревоги. Кажется, я видел этого ребенка раньше...

– Максим Викторович Макаров? – уточнила женщина, но я уже знал, что она не ошибается. Ее голос дрожал, но глаза были полны решимости.

– Да, это я, – отозвался равнодушно, а у самого по спине пробежал холодок.

– Это ваша дочь. – Она подтолкнула девочку вперед, и та сделала неуверенный шаг. – Ей некуда идти. Мать в больнице, а вы все же папаша.

Я отшатнулся, не веря ушам. Это ошибка! Я не мог быть отцом этого ребенка, не мог...

– Вы ошиблись, – повторил я, пытаюсь найти в себе силы, чтобы уйти.

Но женщина не собиралась отпустить меня так просто.

– Вот доказательство, – настойчиво протянула конверт с фотографиями. – И в свидетельстве о рождении ее отчество указывает на вас. Документ – у нее в рюкзаке.

Не сказав больше ни слова, женщина торопливо поставила спортивную сумку мне под ноги и сбежала, оставив меня наедине с девочкой.

– Девочка, ты кто? Ты здесь по ошибке, правда? – Я присел на корточки и заглянул в ее глаза.

Они были такими же, как у меня в детстве, – пытливыми, полными озорного огонька.

– Анна Максимовна Зайцева! – сдвинула брови девочка.

– А маму зовут Вероника? – Разглядывая свою маленькую копию, понял, что все, что происходит сейчас, не шутки.

– Да! – непонимающе уставилась на меня малышка. – Я хочу есть и писать!

Ее глазки стали наполняться слезами, и внутри у меня все болезненно сжалось.

– Пошли, – решил я.

Подхватил сумку, которая оказалась неожиданно тяжелой, и направился к лифту, чувствуя, как мой привычный мир рушится.

Девочка едва поспевала за мной, ее маленькие ножки заплетались и цеплялись за любые неровности. Пришлось остановиться, чтобы она догнала меня.

Малышка вложила свою ладошку в мою руку. Я инстинктивно сжал ее. Что-то странное, почти пугающее происходило со мной в этот момент. Я не мог избавиться от ощущения, что этот день изменит все.

Ребенок не вызывал у меня никакого отторжения. Наоборот, я чувствовал странное тепло, разливающееся в груди. Да и ДНК-тест можно сделать достаточно быстро, если это действительно необходимо.

Лифт поднялся на шестнадцатый этаж. В ту же секунду нас заметил весь офис. Я сам настоял на прозрачных кабинках, чтобы все всегда были на виду. Теперь змеиному гнезду будет, что обсудить, – они моментально перемоют мне кости, выстроят догадки и версии... Но это ничего. Куда важнее разобраться с девочкой.

Звонок от мамы можно было ожидать примерно через пятнадцать минут. За это время ей уже доложат, что я пришел в офис не один.

На ходу кивнул секретарше и попросил:

– Катерина, сообразите завтрак для ребенка. Что там они обычно едят?.. А мне сделайте кофе.

Подумав, добавил:

– С мамой не соединять!

Не обращая внимания на ее явный интерес, вошел в кабинет и проводил малышку в личную комнату.

– Давай мне свой рюкзак. Туалет здесь, – открыл потайную дверь. – Сама справишься?

– Я большая! – возмутилась девочка и тут же юркнула внутрь.

В руке я по-прежнему сжимал конверт с фотографиями. Вернувшись в приемную, сел в кресло и, вытащив небольшую пачку цветных кадров, начал их перебирать.

На фотографиях были я и Вероника... Я помнил каждое место, да что там говорить – каждое мгновение, проведенное с ней, до сих пор горело в памяти, жгло душу.

Почему она ничего не сказала?

И почему я чувствую вину, хотя изменила она?

Вероника

Весь день голова кружилась, словно я только что слезла с американских горок, а во рту чувствовался металлический привкус. Я пыталась сосредоточиться на работе, но каждый шаг давался с трудом. Растения требовали ухода, но я сама нуждалась в помощи...

Я работала в огромном торговом центре, в цветочном бутике. Мне нужно было поддерживать цветы в идеальном товарном виде, вовремя убирать увядающие и нераспроданные. Но в последние дни меня преследовала странная слабость, словно кто-то высасывал все силы. Боль в теле не проходила, как будто внутри меня поселился невидимый враг. Простые меры, вроде отдыха и горячего чая, не помогали. Это не было похоже на банальную простуду...

– Вероника, с тобой все хорошо? – подскочила ко мне администратор Лена.

– Не знаю... – Я облокотилась на стеллаж, чувствуя, как мир вокруг начинает плыть.

Головокружение было настолько сильным, что я едва могла стоять на ногах.

– У тебя кровь пошла из носа... Надо в больницу, срочно. Ты какая-то бледная, круги вон под глазами! – воскликнула Лена, с тревогой осматривая меня.

– До конца смены пару часов, после нее пойду, – попыталась отмахнуться я, вытирая бордовую струйку.

Но болезнь все решила за меня. Мир качнулся, потемнел, и я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Дыхание сперло. В ушах зазвенело, а перед глазами замелькали яркие пятна.

– Вероника! Вероника, держись! – услышала испуганный крик Лены.

Я почувствовала, как она подхватывает меня, но не смогла ничего ответить.

Последним, о чем успела подумать, перед тем как сознание покинуло меня, было: «Анютку надо забрать из садика...»

Эта мысль, как маленький лучик света, пробилась сквозь пелену боли. Я знала, что должна вернуться, чтобы увидеть свою маленькую дочку.

Но сил не осталось даже на это... Тьма поглотила меня, и больше я ничего не видела и не слышала.

Глава 2

Пришла в себя в больнице, в палате интенсивной терапии, обвешанная проводами. Сердце колотилось как бешеное. Я пыталась понять, что происходит, но паника сжимала горло.

В этот момент в палату вошел доктор с медсестрой. Он взял меня за руку и посветил в глаза ярким фонариком.

– Так, успокоительного, – назвал медсестре препарат и обратился уже ко мне: – Ну что вы, вам нельзя волноваться! Мы вытащим дыхательную трубку, но пока вы останетесь здесь. Скоро должны прийти результаты ваших анализов...

Его слова эхом отдавались в голове – сознание все еще было затуманено.

Врач что-то сделал с трубкой, и я почувствовала, как она медленно покидает мой рот. Облегчение длилось недолго – к верхней губе были прикреплены другие трубки. Дышать стало чуть легче, но говорить я так и не смогла – только хрипы вырывались из горла.

Доктор внимательно посмотрел на меня и брызнул мне в горло чем-то из флакона. Я почувствовала, как оно смягчается, и попыталась сделать глубокий вдох.

– Вот так, – сказал мягко, но я уловила тревожные нотки в его голосе. – Теперь все хорошо.

Действительно, мне полегчало. Я с трудом сглотнула слюну и сказала первое, что пришло на ум:

– Дочь из садика забрать нужно...

Врач покачал головой, не отрывая взгляда от кипы бумаг, которую ему принесла медсестра. Его движения были медленными и отстраненными, как будто он уже все для себя решил.

– Вы здесь вторые сутки... – ответил тихо и безэмоционально. – Судя по анализам, у вас, скорее всего, онкология. Нужны дополнительные исследования и МРТ, как только состояние стабилизируется.

– У меня? Этого не может быть... – прошептала дрожащим голосом.

Глаза расширились от внезапного осознания, тело тут же стало ватным. Мир вокруг закружился как карусель, и я обессиленно прикрыла веки.

Врач говорил что-то еще, но я уже ничего не слышала. Я словно оглохла. Реальность отдалилась, оставив меня наедине с ужасом. Единственное, что имело значение, – это моя дочь, которая сейчас была одна, без меня, непонятно где.

Очнуться заставила резкая боль в руке – медсестра с безжалостной точностью взяла кровь на анализы. Я стиснула зубы, но глаза невольно наполнились слезами.

– Я могу позвонить? Соседка присмотрит за дочерью... – Голос прозвучал так слабо, словно вот-вот мог раствориться в воздухе.

Медсестра нахмурилась, бросила на меня сочувственный взгляд и довольно строго ответила:

– Ваш телефон у заведующего отделением. Он отвечал на звонки, сообщил какой-то женщине о вашем состоянии... Насколько я поняла, ребенка кто-то забрал.

– Вы можете ей позвонить, спросить? – вцепилась в последнюю надежду.

– Знаете наизусть номер телефона? – Удивление медсестры было почти ощутимым, будто она не верила, что я могу помнить что-то столь личное в такой момент.

– У меня их не так много... Вернее, только она и помогает нам.

Я продиктовала номер, стараясь не путаться в цифрах. Медсестра записала его, затем молча вышла, оставив меня одну в этой стерильно белой комнате.

Закрыла глаза, пытаюсь снова заснуть, но страх и тревога не давали покоя. Успокоительное и, возможно, обезболивающие начали действовать, но мысли все еще хаотично металась в голове, как стая испуганных птиц. Да и сердце неистово колотилось в груди, словно пытаюсь вырваться наружу.

Я постаралась выровнять дыхание. Это происходит не со мной, это просто нелепая случайность. Я перетрудилась, нужно немного отдохнуть...

Но почему тогда так тяжело на душе? Почему так страшно? Почему меня не покидает ощущение, что все это – лишь начало конца?

Из палаты интенсивной терапии меня перевели через три дня. Как только стабилизировали состояние, сразу отправили на МРТ...

Навестить меня разрешили только через неделю. Учитывая, что я находилась в отделении онкологии, соседке Марье Васильевне пришлось чуть ли не скафандр надевать: в палату она вошла в халате, бахилах, маске, перчатках и шапочке...

Дочь не привела – сказала, что не разрешили. Присела у койки и с грустью посмотрела на меня. Я сразу ощутила, что что-то не так.

– Где Анютка? – спросила, стараясь не показывать волнение.

– У отца, – вздохнула Марья Васильевна и перехватила мою руку, которую я попыталась поднять в знак протеста. – Подожди! Подумай о себе! Она в надежных, не чужих руках. Денег у него куры не клюют, как-то справится, а ты должна выкарабкаться ради нее!

– Он даже не знал о ее существовании. Кто вам разрешил рыться в моих вещах? Как вы вообще о нем узнали?! – Нервы сдали, и я не смогла сдержать обидных слов.

– Не горячись! Думаешь, Анютке было бы лучше в детском доме? А потом как забирать ее оттуда? С таким-то диагнозом... А так, может, договоришься, увидитесь еще! – она засуетилась. – Я тут тебе вещи принесла, все строго по списку, что продиктовала медсестра.

– Где мне теперь ее искать?... – тихо заплакала я, не имея даже сил подняться.

Несмотря на то, что у нее были благие намерения, все это только

усугубило мое состояние. Я чувствовала себя беспомощной, брошенной и одинокой. Как я найду дочь, если даже не знаю, где она? Как справлюсь с этим?

Слезы потекли по щекам неудержимым потоком, а сердце сжалось от невыносимой боли. Я закрыла глаза, пытаясь успокоить растревоженные нервы, но мысли о дочери не оставляли меня ни на секунду.

Я должна была найти ее. Вернуть. Ради нее я была обязана бороться.

– Я ей свой старенький телефон отдала и сим-карту. Твой номер вбила, сказала, что мама обязательно перезвонит! – попыталась подбодрить меня Марья Васильевна.

– Я не могу, мне еще не разрешают... – прошептала, чувствуя, как накатывает отчаяние.

– А я попрошу, чтоб хоть раз в день давали поговорить! – решительно заявила соседка, вставая.

– Я не уверена, что вы правильно поступили. Он эгоист и гад, сдаст ребенка в детдом, глазом не моргнет! – с горечью сказала я.

– А ты надейся на лучшее и выздоравливай! В общем, у меня время вышло, вещи вот, – Марья Васильевна указала на сумку. – Цветы полью, Анютку навешу, если позволят. Нет – позвоню ей сама! Отдыхай и набирайся сил, Вероника.

Она буквально сбежала, оставив меня одну в этом мире, полном страданий и неопределенности.

И тут я поняла: жалеть себя не получится. Придется собирать остатки сил во что бы то ни стало и забирать дочь. Вряд ли Максим обрадовался «сюрпризу». Ему никогда ни до кого не было дела, а уж его мама... Она обидит мою дочь, отравит ее своим ядом.

Не потерпит ребенка, родившегося от такой нищевродки, как я...